
ГРАМОТА НА ПРАВА, ВОЛЬНОСТИ И ПРЕИМУЩЕСТВА БЛАГОРОДНОГО РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА: ее истоки, содержание и значение

Два акта занимают центральное место в законодательстве Екатерины II 1783–1796 годов: «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи». Примечательно, что изданы они были в один и тот же день — 21 апреля 1785 года.

Первый из этих документов, известный более под кратким названием — как «Жалованная грамота дворянству»¹, — выразил своим содержанием одно из главных направлений внутренней политики Екатерины II. Императрица следовала ему с самого своего восшествия на престол. Об этом свидетельствует, например, изданный ее величеством 11 февраля 1763 года Именной указ «О рассмотрении акта, которым Император Петр III дал вольность благородному российскому дворян-

---

¹ Название этого документа «жалованной грамотой» присутствует в его тексте. Он завершается следующим заявлением императрицы: «В утверждение всего вышеписанного мы сию Нашу жалованную грамоту на права, вольности и преимущества благородному Нам вернолюбезному подданному российскому дворянству, Нашею собственною рукою подписали и государственною Нашею печатью укрепить повелели...».

ству, и о приведении его содержания в лучшее совершенство». Екатерина II заявила в нем, что в вопросе наделения дворян привилегиями намерена пойти дальше своего предшественника на троне. Она поручила специальной комиссии рассмотреть Манифест Петра III «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и «для приведения его содержания в лучшее совершенство» посоветовать ей, какое необходимо еще принять государственное установление, чтобы российское дворянство могло получить «новый залог» ее монаршего к нему «благоволения»¹.

«Жалованная грамота дворянству» 1785 года юридически оформила представления о предназначении дворянского сословия и его статусе, составлявшие часть официальной политической идеологии российского самодержавия эпохи правления Екатерины II. основополагающие идеи этого документа были провозглашены в «Наказе, данном Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», который был составлен императрицей в 1767 году. Ее величество называла этот документ «большим Наказом», чтобы отличить его от изданного одновременно с ним «Генерал-прокурорского Наказа при Комиссии о составлении проекта нового Уложения, по которому и маршалу поступать»².

В статьях 360 и 361 «большого Наказа» декларировалось: «Дворянство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены. Как между людьми одни были добродетельнее других, а при том и заслугами отличались, то принято издревле отличить добродетельнейших и более других служащих людей, дав им сие нарицание в чести; и установлено, чтоб они пользовались разными преимуществами, основанными на сих выше сказанных начальных правилах»³.

Далее в «большом Наказе» говорилось, что законом учреждены сподобы, которыми дворянское достоинство можно получить от государя, и обозначены поступки, влекущие его утрату. «Добродетель с заслугою возводит людей на степень дворянства» — такой формулой было вы-

---

¹ См. текст Именного указа Екатерины II от 11 февраля 1763 г. в издании: Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 7.

² См. полный текст «Генерал-прокурорского наказа» в издании: Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 107–110.

³ *Императрица Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения* / Под редакцией и с предисловием В. А. Томсинова. Библиография: проф. У. Э. Батлер. М.: Зерцало, 2008. С. 81.

ражено в статье 363 указанного документа главное условие приобретения дворянского состояния. При этом проявлениями добродетели объявлялись «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и верность к государю», соблюдение всех законов и обязанностей. Наиболее приличествовавшим дворянину родом государственной службы Екатерина II считала службу в войсках. «Мало таких случаев, которые бы более вели к получению чести, как военная служба: защищать отечество свое, победить неприятеля оною, есть первое право и упражнение приличествующее дворянам», — заявляла ее величество в статье 365 указанного документа «Наказа».

Объявляя дворянство производным от добродетели с заслугой, Екатерина II тем самым возвышала это сословие в общественном сознании. Вместе с тем императрица создавала для дворян гарантию сохранения сословного статуса, если их поведение в полной мере соответствовало ему. Из правила, согласно которому дворянское достоинство можно было приобретать гражданскими или военными добродетелями, вытекала невозможность лишиться его иначе, как собственными, не соответствующими добродетели и чести поступками. «Лишити дворянства никого не можно, кроме того, который сам себя лишил онаго своим основанием его достоинства противными поступками, и сделался чрез то звания своего недостойным»¹, — утверждала государыня в статье 369 своего «Наказа». Поступками, противными дворянскому званию, ее величество называла измену, «разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы и данного слова, лжесвидетельство, кое сам делал, или других уговаривал делать, составление лживых крепостей, или других тому подобных писем», а также «всякий обман, противный чести, а наипаче те действия, кои за собою влекут уничтожение»².

Профессор императорского Университета Св. Владимира А. В. Романович-Славатинский главное значение «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года видел в том, что она посредством правового закрепления личных и имущественных прав дворян привнесла в государственный строй и юридический быт России идею «человеческих и общегражданских прав». «Понятие личных прав дворянства и самое это слово (*личные преимущества*) в законодательство наше вводятся жалованной дворянской грамотой 1785 г., — писал историк. — В первый раз в нашем государственном строе, стоявшем на тягле и на повинностях всех общественных классов, появляется класс людей, личные

¹ *Императрица Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения.* С. 82.

² Там же.

права которых признаны и обеспечены законом. В первый раз в нашем обществе появляется *лицо*, а не *холоп* — человек, которого без суда нельзя подвергнуть никакому наказанию, которого и суд не может подвергнуть наказанию телесному; которого без суда нельзя лишить имущества, принадлежащего ему на правах октроированной полной собственности. Начала эти, привнесенные в наш государственный строй и юридический быт, не могли не иметь великого цивилизующего влияния на нашу гражданственность. Правда, права эти пока составляли удел немногих, имели вид привилегий самого незначительного меньшинства нации. Но в них, в этих личных правах и привилегиях дворянства, положено было на русскую почву зерно тех человеческих и общегражданских прав, которые в настоящее время начинают делаться достоянием всех общественных классов»¹.

«Жалованная грамота дворянству» 1785 года действительно способствовала возникновению в России класса людей, который был наделен личными правами, защищенными законом. Однако зерно «человеческих и общегражданских прав» было положено на русскую почву еще законодательными актами, принятыми Екатериной II с целью упорядочения деятельности Комиссии, созданной в 1767 году для сочинения проекта нового уложения². В этих документах, самыми важными из которых были «Наказ» императрицы названной Комиссии, датированный 30 июля 1767 года, и «Начертание о приведении к окончанию Комиссией проекта нового Уложения от 8 апреля 1768 г., *права дворян представлялись в качестве конкретной разновидности прав физических лиц или граждан вообще*.

Общую систему нового Уложения императрица велела строить на основании идей, выраженных в первых трех статьях ее «большого Наказа». Государыня заявляла в них: «1. Закон христианский научает нас взаимно делати друг другу добро, сколько возможно. 2. Полагая сие законом веры предписанное правило, за вкоренившееся, или за должствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного кроме сего сделать положения, что всякого честного человека в обществе

¹ Романович-Славятинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. СПб., 1870. С. 212.

² Порядок формирования данной комиссии был установлен Именным указом Екатерины II «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов», изданным 14 декабря 1766 г. См.: Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. С. 66–91.

желание есть, или будет, видети все отечество свое на самой вышней степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия. 3. А всякого согражданина особо видеть охраняемого законами, которые не утесняли бы его благосостояния, но защищали его ото всех сему правилу противных предприятий»¹. Эти мысли заставляли сосредоточить содержание нового Уложения на двух главных предметах: 1) положениях, касающихся государства; 2) положениях, касающихся гражданина. «Порядок и естество вещей требовали сего важного разделения, которое есть корень, производящий бесчисленные отрасли, составляющие все части и подробности частей нужные для сочинения во всей своей пространности проекта законодательства» — такими словами Екатерина II объясняла необходимость разделения текста Уложения на указанные две части², отмечая при этом, что «первая часть будет состоять из вещей, касающихся до права общего, которое учреждается ради общей пользы народов в том рассуждении, что они составляют тело государства. Вторая часть будет состоять из вещей, касающихся до права особенного, которое сделано для пользы каждого лица особенно»³.

Содержание второй части нового Уложения императрица предполагала разбить на три раздела: «1. Лица. 2. Вещи. 3. Обязательства». Ее величество объясняла необходимость такого деления тем, что «право особенное сделано для пользы каждого лица особенно; и потому оно заключает в себе все те узаконения и установления, которые каждому гражданину, живущему с прочими в обществе, как в рассуждении его самого, так и в рассуждении его имения и обязательств, приносят пользу и безопасность»⁴.

В разделе нового Уложения, посвященном лицам, Екатерина II предписывала Комиссии изложить нормы «о праве лиц, или о состоянии каждого гражданина», учитывая деление «всех жителей на разные роды»⁵. Нормы о дворянстве императрица рекомендовала изложить, основываясь на статьях 360, 363 и 375, по следующему плану: «1. Что есть дворянство? 2. Как оно достигать? 3. Через что оно теряется? 4. Какие службы сделаны для дворянства? 5. Как дворяне начинают

---

¹ *Императрица Екатерина II*. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. С. 31.

² Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения от 8 апреля 1768 г. // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. С. 111.

³ Там же. С. 111–112.

⁴ Там же. С. 118.

⁵ Там же. С. 119.

служить? 6. Каким подвержены наказаниям в случаях преступлений? 7. Какой суд могут иметь между собой? 8. Что есть имение дворянское? 9. Как дворянину оставить службу? 10. Как он может отъехать в чужие края? 11. На каком основании может оставить отечество? 12. В каком он возрасте выходит из опеки? 13. О последних в роде. 14. Об имениях изблещенных в великих преступлениях. 15. О бесчестии»¹.

На основе приведенного плана в «комиссии о государственных родах» к лету 1768 года был составлен «Проект правам благородных». Названный документ не стал законом, поэтому он почти не упоминается в исторической литературе, посвященной внутренней политике Екатерины II. Между тем именно в нем следует искать истоки изданной императрицей в 1785 году «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

Текст данной «Грамоты» делился на четыре части. В первой говорилось о личных преимуществах дворян: она состояла из 36 статей. Во второй излагались нормы о собрании дворян, установлении и выгодах дворянского общества в губернии: она охватывала 35 статей. Третья часть, включавшая в себя 10 статей, представляла собой наставление для сочинения и продолжения дворянской родословной книги в наместничестве. И наконец, четвертая часть, состоявшая из двух обширных, разделенных на многие пункты, статей, была посвящена доказательствам благородства или дворянства.

Первая часть «Грамоты» 1785 года, в сущности, воспроизводила идеи и многие формулировки «Проекта правам благородных», разработанного предположительно в июне 1768 года в рамках Комиссии для сочинения проекта нового Уложения.

Из материалов этой Комиссии видно, что 3 июля 1768 года действовавшая в ее составе дирекционная комиссия², «по рассмотрении вновь

---

¹ Начертание о приведении к окончанию Комиссии проекта нового Уложения от 8 апреля 1768 г. С. 119.

² Дирекционная комиссия играла роль мозгового центра Комиссии для составления проекта нового Уложения. В статье 7 «Обряда управления Комиссии о сочинении проекта нового Уложения», изданном 30 июля 1767 г., о ее деятельности говорилось следующее: «Из всех частных Комиссий, что в них будет положено, то все внесется в Дирекционную Комиссию, которая прочитав, соображает с начальными правилами большого Наказа, и приемлет или переменяет в силу оногo, и отошлет в большое собрание Депутатское, на рассмотрение их, давая всегда знать, для чего что переменено. Где же в большом Наказе точного правила не положено, или сказаны одни примеры, о сих вещах Дирекционная Комиссия пошлет большому собранию предложение со своим рассуждением, чтобы имев тамo рассуждение подали свое мнение, которому примеру по Государственному положению удобнее следовать. Полное собрание прочтет тогда паки приличные статьи из большого

поданного из комиссии о государственных родах проекта правам благородных и учиненных на оный от дирекционной комиссии пополнений, перемен и примечаний», приняла решение послать его в «Большое Собрание» с приложением записки следующего содержания:

«Ее Императорское Величество, предприемля сочинить и издать новое законоположение или паче к славе Ее государствования и знатности России присовокупить блаженство всех и каждого, в самом начале предусмотреть изволила, что хотя самые знаменитые как в древности, так и новейших времен законодатели по большей части о том только старались, чтоб точным за каждое преступление или погрешение определили наказания сохранить народное благонравие, следовательно, предупредить и преступления, — и что хотя отличаемая добродетель и праведное оной воздаяние суть первые столпы всеобщего благонравия, но к вышеизображенному предмету — блаженства всех и каждого — сего недовольно. Надобно, чтоб сперва все и каждый, по своему состоянию точно ведал, в чем состоят его права и обязанности и как пользоваться первыми, а исполнять другие. Предписание ж наказаний на преступников ничто иное есть, как запасное на случай нужды для здорового тела лекарство.

Все главы, как Большого Наказа, так и Начертания, останутся навеки свидетельством сих премудрых и человеколюбивых мнений и наставлением для будущих где-либо законодателей.

Толикое благодеяние, возбуждая к искренней благодарности, не требует, кажется, испытания, откуда оно начало свое имеет; однакож просвещенные премудростию нашей самодержицы ошутительно теперь видим, что так пространный и так всецелого законоположения необходимая нужда требовала.

Доныне усматривали мы токмо, что в старом Соборном Уложении на многие случаи не достаёт предписаний, а в последовавших указах много неясности и больше того противоречий. Теперь ошутительно видим, что помянутое Уложение тотчас начинается определением наказаний за преступления, но имеет ли кто к чему-либо право, или чем кто обязан, о том там умалчивается, как бы на то особое уложение уже предварительно издано было; равным образом и в последовавших указах весьма многое случайно запрещено, но того трудно сыскать, по какому праву остальным кто пользуется.

Есть, подлинно, некоторые следы прав дворянских, но так смешаны и рассеяны, или так случайно об них упоминается, что трудно с надеж-

---

Наказа, и что положит, по тому Дирекционная Комиссия и поступает» (Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. С. 97).

дою на оных основываться. Права среднего рода или мещанства почти неизвестны, а третьего рода еще гораздо меньше; что ж до казацких войск принадлежит, то оставались оные на так названных древних обыкновениях, а в самом деле — на весьма переменчивом произволении.

Сих ради важных причин и следуя существенному содержанию Большого Наказа, по учреждении дирекционной комиссии первое старание приложено было назначить частную комиссию о государственных родах и оной поручить составление личных прав каждого рода таким образом, чтобы каждый ему собственно принадлежащими, не мешая другому, пользовался.

Сие распоряжение Всемилоостивейшее данным Начертанием Ее Императорское Величество подтвердит изволила, а одобренное тем рачение было таково, что проект правам благородных или дворян готовый, с некоторыми от дирекционной комиссии учиненными частью пополнениями, частью же переменами и примечаниями, в Большое Собрание при сем сообщается. Права среднего рода или мещанские особо назначенною комиссиею столько изготовлены, что теперь только осторожно пересматриваются. Права третьего также в действительной теперь, равно как и принадлежащие до казацких войск; следовательно, и оные много не замедлятся.

Не все, может быть, положены здесь права, какие себе возмечтать и написать возможно, но на то можно сказать, что токмо те наблюдаемы были, кои состоянию государства приличествуют и согласны предмету блаженства всех и каждого.

Равное правило и в следующих проектах, по крайней возможности, наблюдаемо будет. Не в том блаженство состоит, чтоб всякий все то имел, что нравится прихотливому желанию: сие было б блаженство токмо сильного; но в том, чтоб каждый все те права и выгоды имел, каких он справедливо и рассудительно желать может, и чтоб сии права и выгоды были существительны, а не мечтательны, и тем паче надежны, чем лучше ограждены и свойственны. Не в том и нужное между всеми гражданами состоит сопряжение и союз, чтоб все одними и одинакими пользовались правами и преимуществами, ибо то было бы всеобщим смещением; но в том, чтоб господствовал порядок, а по порядку каждому особо принадлежащие права так разделены были, чтоб, например, дворянство видело свою пользу в пользе и выгоде мещанства, а мещанство равным, напротив того, образом и так далее»¹.

---

¹ Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 32. СПб., 1881. С. 575–576.

Сочинителем «Проекта правам благородных» был князь Федор Козловский. Текст этого документа состоял из двух глав. В первой главе, состоявшей из восьми статей, объяснялось: «что есть благородство, откуда оно начало свое имеет, кто есть благородный, сколько званий благородных, какие именно, чем друг от друга отличаются, как достигать благородства и чем теряется оно». Во второй главе указанного «Проекта» излагались права благородных, то есть дворян.

Первая статья **первой главы** рассматриваемого документа полностью воспроизводила содержание 360 статьи «большого Наказа» императрицы Екатерины II с единственным изменением: вместо термина «дворянство» был употреблен его синоним. В результате получилась следующая фраза: *«Благородство есть нарицание в чести, различающее от прочих тех, кои оным украшены»*¹.

Вторая статья состояла из текста статьи 361-й, но без ее концовки, в которой говорилось: «и установлено, чтоб они пользовались разными преимуществами основанными на сих выше сказанных начальных правилах».

В третьей статье пояснялось, кто может считаться благородным. К этому сословию причислялись прежде всего лица, которые происходили от дворян², а также те, кто получил звание благородного от монарха.

В четвертой и пятой статьях отмечалось, что «благородные в других государствах многие разные звания имеют. В России же в употреблении донныне только четыре: княжеское, графское, баронское и дворянское. Различие сих достоинств состоит токмо в титулах и гербах»³.

Шестая статья «Проекта правам благородных» провозглашала, что «добродетели и заслуги возводят людей на степень благородства». Тем самым она почти дословно повторяла статью 363 «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения». Дирекционная комиссия добавила к приведенному положению слова: «Но один токмо госу-

¹ Проект правам благородных, сочиненный комиссиею о государственных родах // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 32. С. 577.

² «Благородные разумеются все те, которые от предков того имени рождены», — говорилось в статье 3 «Проекта правам благородных». Дирекционная комиссия внесла два изменения в эту фразу: слово «которые» заменила на «кои» и вместо формулировки «предков того имени» вписала более ясное выражение «предков благородных».

³ Дирекционная комиссия добавила к приведенному тексту слова: «какие от государя пожалованы будут».

дарь возводит на сию степень», заметив, что «сие пополнение сделано единственно для большей ясности»¹.

Седьмая статья определяла, в чем заключаются «добродетели, ведущие к благородству», указывая на такие качества, как «любовь к отечеству, ревность к службе, послушание и ревность к государю и наблюдение всех законов и должностей, заслуги военные и гражданские, освобождение² государя и государства от опасности угрожаемой и знатной, приращение блага государственного».

Восьмая статья рассматриваемого «Проекта» устанавливала правило, по которому лишиться благородства можно было лишь совершив противные ему поступки, как то: измену, разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы, лжесвидетельство в важных делах, «кое сам делал или других уговаривал делать», «составление лживых крепостей и других тому подобных писем, как о том точно в юстицкой части изображено»³. Перечень указанных поступков был заимствован из статьи 371 «большого Наказа». При этом в него были внесены некоторые поправки. Если в «Наказе» любое лжесвидетельство объявлялось поступком, противным дворянскому званию, то в «Проекте правам благородных» лишь такое, которое имело место «в важных делах». Кроме того, в «Наказе» отсутствовала фраза «как о том точно в юстицкой части изображено», которой завершалась восьмая статья «Проекта».

Главная идея **второй главы** «Проекта правам благородных» была выражена в первой ее статье, в которой провозглашалось, что «благородные все суть люди свободные». Последующие статьи раскрывали, в чем выражается свобода благородных.

Так, во второй статье говорилось, что «благородные имеют полную свободу избирать по собственной своей склонности и благоизобретению такую службу, какую сами пожелают: придворную, воинскую или гражданскую и, находясь в службе, повинуются предписанным для каждой законам и равным, напротив того, образом могут из службы по законам увольнение брать или совсем в службу не вступать»⁴.

Статья четвертая объявляла, что «благородные не подвержены никакому телесному наказанию». Пятая статья позволяла им выезжать в чужие государства и поступать в них на службу. Шестая статья раз-

---

¹ Проект правам благородных, сочиненный комиссиею о государственных родах. С. 578.

² Так в оригинале. — В. Т.

³ Проект правам благородных, сочиненный комиссиею о государственных родах. С. 579.

⁴ Там же.

решала благородным жить в чужих государствах и без службы, и не только временно, а и постоянно («домами») и любое владение приобретать, независимо от того, есть у них какое-либо имение в России или нет. Тем благородным, которые проявляли желание остаться навечно в каком-то чужом государстве, седьмой статьей «Проекта» предоставлялось «право просить увольнения от подданства по установленному законом порядку».

Восьмая статья обязывала всех находившихся в чужих государствах благородных, за исключением отказавшихся от российского подданства, возвращаться в свое отечество в тех случаях, когда «общий позыв учинен будет».

«Проект правам благородных» предоставлял дворянам довольно широкий круг привилегий в материальной сфере. Так, согласно девятой статье благородные освобождались от всяких податей. Статьей 12-й за ними подтверждалось право владеть деревнями по узаконениям¹. Статья 15 позволяла им «продавать и покупать свободные деревни беспошлинно»². Статья 20 устанавливала, что имущество благородных, как движимое, так и недвижимое, «ни за какое, кроме преступления в оскорблении Величества, не отписывается, и то одно только благоприобретенное, а не родовое. В случае же казенных и неказенных долгов берется только такая часть, которая, по продаже, требователей удовлетворить может»³. Статья 21 позволяла благородным «продавать и закладывать всякие, кроме условием запрещенных деревни, по своей воле, только бы тот, кому они продают, человек был благородный»⁴. Статья 22 разрешала им заводить на своих землях и в своих деревнях фабрики и заводы. А согласно статье 23 благородные могли «строить на своей земле, в силу закона, всякого рода и звания мельницы».

Статья 26 «Проекта правам благородных» определяла, что «все произращения и произведения земляные, также звери, птицы и рыбы, на месте владения чьего находящиеся, принадлежат прямо той земли владельцу». Дирекционная комиссия сделала к этой статье следующее прибавление: «Чтож касается до кроющихся в недрах земных сокро-

---

¹ Дирекционная комиссия сделала к этой статье следующее примечание: «Как далеко власть или право владельца над его деревнями простирается, о том поручено трудиться комиссии об имениях».

² Проект правам благородных, сочиненный комиссиею о государственных родах. С. 580–581.

³ Там же. С. 581.

⁴ Там же. С. 581–582.

вищ, как то: соляных росолов и руд, на то особливые сделаны законы: о росолах — в части о соли, о рудах — в части о рудокопании»¹.

Статья 27 разрешала благородным заниматься продажей продукции своих деревень: в ней говорилось о том, что они «могут произведения собственных своих деревень, кроме законами запрещенных, продавать валовую продажею»².

Статьи «Проекта» с 29 по 33 были посвящены обеспечению прав обвиняемого в суде. Статья 29 в варианте, сочиненном комиссией о государственных родах, имела следующее содержание: «Благородные в делах, до чести и жизни их касающихся, судятся равными себе, то есть благородными». Дирекционная комиссия предложила новый вариант этой статьи: «Благородные в делах, до чести и жизни их касающихся, судятся только в тех судебных местах, которым законами дано право судить благородных»³. Мотивы, которыми она руководствовалась, внося столь существенную поправку, были изложены в примечании к тексту рассматриваемой статьи. «Сия перемена, — говорилось в нем, — учинена как в силу Большого Наказа, 489-го отделения оногo⁴, так и в таком уважении, что хотя и желательно, чтоб все и каждый равными себе судим быть мог, но при ближайшем рассмотрении тотчас ощущается самая непреоборимая невозможность: ибо в таком случае не токмо дел и самых судебных мест может весьма умножиться, но весьма еще опасно, что сколько будет таких мест, столько ж разнообразных по одинаковому делу решений. Сверх того, есть много таких, особливо удаленных провинций, где или мало, или и совсем — дворянских имений, следовательно и живущих тамо дворян нет. А из того и произошло б, что или судей на место учиненного преступления издалека собирать, или к судьям обвиняемого и свидетелей с несказанным затруднением возить надлежало б. Может здесь сказано быть, что не во всяком месте

¹ Проект правам благородных, сочиненный комиссией о государственных родах. С. 582.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Статья 489 «Наказа, данного Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» гласила: «Самая бесполезная вещь Государям в самодержавных правлениях есть наряжать иногда особливых судей судить кого-нибудь из подданных своих. Надлежит быть весьма добродетельным и справедливым таковым судьям, чтоб они не думали, что они всегда оправдаться могут их повелениями, скрытною какою-то государственною пользою, выбором в их особе учиненным, и собственным их страхом. Столь мало от таковых судов происходит пользы, что не стоит сие того труда, чтобы для того превращать порядок суда обыкновенный» (*Императрица Екатерина II. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. С. 95*).

могут быть и такие судебные места, каким дается право судить благородных. Сие подлинно так; но, имея известные места, не будет нужды заводить всегда новые, и тотчас всяк ведает, где просить на обвиняемого, так что между преступлением и судом не пропадет напрасно много времени; а сие паче всего нужно и паче всего подтверждено Большим Наказом»¹.

Статья 30 предусматривала, что «благородный, впадши в подозрение по делам, до чести и жизни касающимся, сверх назначенных судей, может со своей стороны назначить одного судью, кого он заблагорассудит, и который на то сам согласится, и может представить для защиты своего дела одного стряпчего или ходатая в предписанное законами время».

Статью 31, объявлявшую донос и свидетельство на благородного крепостного его человека недействительным, и статью 32, которая предоставляла благородному в делах, до его чести и жизни касающихся, в случае, когда он не доволен решением суда, «просить по узаконенному порядку государя о рассмотрении дела»², дирекционная комиссия изъяла из «Проекта правам благородных», сочиненного комиссией о государственных родах, и передала в комиссию правосудия, занимавшуюся вопросами судопроизводства.

Никакого возражения со стороны дирекционной комиссии не вызвала статья 33 указанного «Проекта», предусматривавшая возможность для благородных, заслуживавших по судебным делам «лицеимства» (ареста с привлечением к работам), освободиться от его, «представя надежный за себя залог»³.

Последующие две статьи «Проекта правам благородных» определяли статус детей, рожденных в браке благородного с неблагородной и благородной с неблагородным. Статья 34 устанавливала, что «благородный, взяв в супружество, хотя и не благородную, но не бесчестную и не обруганную, женщину, сообщает как ей, так и детям, от одного супружества произошедшим, благородство и право одного». Благородная же, вышедшая в замужество, «хотя и за неблагородного, но чиновного человека», согласно статье 35, не теряла своего статуса, но мужу и детям, рожденным от этого супружества, статуса благородных не передавала. Если же она выходила в замужество за неблагородного и не-

¹ Проект правам благородных, сочиненный комиссией о государственных родах. С. 583.

² Там же. С. 584.

³ Там же.

чиновного человека, то лишалась благородства и прав, сопряженных с этим статусом.

Статья 36 «Проекта», составленного комиссией о государственных родах, гласила: «Благородный служащий и служивший имеет первое место пред всяким благородным, который не служил и не служит, как и всякий офицер имеет сие преимущество». Дирекционная комиссия добавила в текст указанной статьи слова «своему отечеству» и «российской службы». В результате окончательный вариант данной статьи стал иметь следующий вид: «Благородный, служащий и служивший своему отечеству, имеет первое место пред всяким благородным, который не служил и не служит, как и всякий офицер российской службы имеет сие преимущество»¹.

Статья 37 объявляла о том, что все благородные имеют свободный вход к царскому двору. Следующей статьей им разрешалось «для собственных и назначенных законами» дел съезжаться в своих провинциях «в назначенное время и в определенное для того съезда место». Статья 39 предусматривала, что «благородные между собою избирают членов в съезды земские, по установленному порядку»². Статьями 40 и 41 им дозволялось держать во всякой провинции архивы и список. Статья 42 разрешала благородным «каждого уезда, провинции и губернии заводить училища для детей своих обоего пола»³. Последняя, 43-я статья, устанавливала, что «никто, кроме российских благородных, в России сими правами пользоваться не может». В данном случае подразумевались, очевидно, все изложенные в «Проекте» права дворян.

Обсуждение «Проекта правам благородных» в Большом собрании Комиссии, созванной для составления нового Уложения, началось 10 июля 1768 года. Проходило оно весьма своеобразно. Текст указанного «Проекта» не был роздан депутатам для предварительного с ним ознакомления. Узнать содержание этого документа они могли только во время его чтения председателем (маршалом) Комиссии генералом А. И. Бибиковым. Выслушав чтение, одиннадцать депутатов изъявили желание выступить с возражениями, но маршал не дал им слова, перейдя сразу же ко второму чтению и голосованию по статьям. После того как депутаты, недовольные таким порядком принятия «Проекта правам благородных», выразили свой протест, генерал Бибиков остановил голосование и объявил, что дает депутатам-критикам неде-

¹ Проект правам благородных, сочиненный комиссией о государственных родах. С. 584.

² Там же. С. 585.

³ Там же.

лю на размышления, по истечении которой готов будет выслушать их замечания. Возобновившееся через неделю рассмотрение «Проекта» и голосование по статьям проходило уже с выслушиванием критических замечаний, но порядок его принятия вследствие этого изменился мало. Маршал зачитывал статьи «Проекта», выслушивал возражения и без какого-либо обсуждения ставил их на голосование. При этом он запретил депутатам говорить сразу о двух статьях, даже если эти статьи были взаимосвязаны друг с другом или явно противоречили одна другой (как например, статьи 34 и 35). Рассмотрение «Проекта» продолжалось в подобном порядке почти два месяца — июль и август, заняв 14 заседаний Большого собрания Комиссии для составления нового Уложения.

Из протоколов этих заседаний видно, что больше всего замечаний со стороны депутатов вызвала формулировка статьи 3 первой главы «Проекта правам благородных». Так, депутат от монетного департамента Берг-коллегии Андрей Нартов в своей записке, зачитанной на заседании Большого собрания 17 июля 1768 года, отмечал: «В проекте дворянских прав, сочиненных в комиссии о государственных родах, в статье 3-й главы I написано: „Благородные разумеются все те, кои от предков благородных рождены или вновь монархами сим нарицанием пожалованы“. Здесь совсем умолчано о тех дворянах, кои сие нарицание и с оным принадлежащие преимущества, по узаконениям Петра Великого, заслугами к отечеству своему по офицерским чинам получили. Я не намерен исчислять все подвиги их усердных ко своим государям услуг, по которым они в число дворян вступили, не намерен и доказывать, сколь до сего законоположения неотъемлемо было сие данное им премудрым Монархом право. Но желаю только, чтоб, для лучшего и ясного решения сумнительств об них, при конце сея статьи упомянуто было следующее: „Также и те, которые по указаниям государя Петра Первого до нынешнего времени по офицерским и статским чинам право и именование дворянское получили“»¹. С подобной критикой третьей статьи первой главы «Проекта правам благородных» выступили на заседании Большого собрания 23 июля 1768 года депутат от г. Опочки Егор Борзов² и депутат от г. Каргополя Иван Марков³.

¹ В Комиссию проекта Нового Уложения Берг-коллегии монетного департамента Андрея Наротова мнение на третью статью главы I-ой // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. СПб., 1882. С. 289.

² См.: Там же. С. 291–293.

³ См.: Там же. С. 293–294.

Нарекания со стороны некоторых депутатов вызвали и формулировки пятой и шестой статей первой главы¹.

Депутат от г. Дерпта Иаков-Иоган Урсинус предложил изменить содержание второй статьи второй главы «Проекта» таким образом, чтобы закрепленная в ней для благородных свобода выбирать род службы или вовсе в нее не вступать, не распространялась бы на владельцев вотчинами. «Дворянину, яко вольному человеку, — заявил он на заседании Большого собрания 28 июля 1768 года, — оставлено быть имеет на волю служить или не служить. Однако не неприлично было бы рассмотреть, должно ли сие простираться и до тех дворян, кои владеют вотчинами. Известно, что в древние времена большая часть деревень были поместья, и что блаженные и вечной славы памяти достойные Государь Император Петр Великий, переменяя оные в вотчины, повелел каждому дворянину служить, под опасением лишения его дворянства и вотчин. Справедливость сего повеления утверждается тем, что тогдашние государственные нужды того требовали, и что те, кои получили от отечества свои вотчины, должны были и за то оказывать оному полезные услуги. А услуги дворянства еще надобны отечеству нашему, и, кажется, что коронные маетности в следующие потом времена пожалованы в том намерении, чтоб владельцы оных чрез то в состоянии были продолжать отечеству свою службу, а не для того, чтоб чрез оные содержать отечеству бесполезных потомков. Нынешняя служба против прежней гораздо труднее, почему и весьма многие из дворянства оставляют оную, если они имеют хотя малое имение, чем себя содержать; остаются в службе по большей части бедные, коим, когда они происходят в знатные чины, по примеру богатых фамилий, держать великие расходы весьма трудно. Кто содержит и пропитает своего ближнего, требует от него взаимные услуги; равномерно отечество имеет право требовать того ж от дворян, кои получают от деревень и крестьянства не токмо свое пропитание, но и доходы на излишние их расходы. А если они наслаждаются плодами собственных неутомимых трудов Всемилостивейшей нашей Государыни, то как могут они, не покраснея со стыда, препровождать дни свои в праздности, разве они вне служб посвящают себя таким упражнениям, которые приносят отечеству преимущественную пользу и за коими правление само присматривать право имеет»².

¹ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. С. 294–301.

² Примечание на статью 2-ю главы II // Там же. С. 301–302.

Депутат от Елецкой провинции Михаил Давыдов выступил против предусмотренного статьей 4 главы 2 «Проекта» правила, по которому благородные, вступающие в службу воинскую и гражданскую, должны были называться до получения ими офицерского чина соответственно «кадетами» и «юнкерами». По его мнению, «дворянам, находясь в военной и гражданской службах, должно называться такими чинами, которые там по степеням имеют свое нарицание, и в оные производить не по старшинству дворянского звания, но по достоинству. Ежели ж вступившим в службы военную и гражданскую дворянам называться объясненными в означенной статье 3-й чинами, то часто может от того родиться в юных сердцах противу тамо издавна и беспорочно служащих пышность и надменность»¹.

Любопытно, что некоторые депутаты выступили с критикой статьи 4 главы 2 «Проекта правам благородных». «В оной статье сказано, — говорил в своем слове на заседании Большого собрания 31 июля 1768 года депутат от г. Тамбова Савва Дитятев: благородные не подвержены никакому телесному наказанию. А как в данном Всемилошвейшеем Большом Наказе, 458-м отделении, изъяснено: „законы делаются для всех людей, следственно, надобно, чтоб все люди и разуметь могли“, и для того, кажется, должно прибавить: „благородный, пока не лишится благородства своего, на теле не наказывается“, ибо за грабеж, убийство, нападение и другие против общей безопасности преступления дворянин в государстве и последний крестьянин, если они учинят толь подлое и бесчестное дело, равно жестоким образом на теле наказываются, для того что, в какой бы они степени ни находились, но чрез сие самое себя унизили, а потому не достойны по законам ни прощения, ни милосердия. Да, сверх того, по силе Начертания I главы о дворянстве, надобно в сем праве предписать законом, каким подвержены наказаниям благородные в случае неважных преступлений»². Против освобождения дворян от телесных наказаний выступили, приводя надлежащие аргументы, помимо Саввы Дитятева, депутат от Елецкой провинции Михаил Давыдов, депутат от Тамбовской провинции Василий Веденев³.

Критические замечания были сделаны депутатами по содержанию почти всех статей «Проекта правам благородных». Но особенно много

¹ Елецкой провинции от однодворцев депутата Михаила Давыдова. Права дворянского главы II-1 на статью 3-ю и 4-ю мнение // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. С. 303.

² II главы на 4-ю статью примечание // Там же. С. 304.

³ См.: Там же. С. 303–306.

нареканий вызвало положение статьи 13 главы 2, дававшее дворянам возможность, если они пожелают, «право владения крепостных своих деревень переменить на право деревень свободных»¹, и предусмотренное статьей 17 той же главы дозволение благородным давать в частном порядке крепостным своим людям свободу².

Депутат от шляхетства Козелецкого и Остерского поветов Малороссийского Киевского полка Владимир Золотницкий представил в письменном виде замечания не только на содержание статей рассматриваемого документа, но и на его заглавие. «Здесь, вместо слова „прав“, — утверждал он, — приличнее и свойственнее назвать преимуществами. Я не стану распространять, в каком разуме собственно система гражданских учреждений заключает в себе название прав, ибо всяк и без того, надеюсь, согласится, что право есть нечто совсем другое, нежели как в простом употреблении кажется. Оно употребительно особливо в законах, простирающихся до целого государства, или целого ж, а не частного общества какого народа, почему и в 375 отделеции Большого Наказа упомянуто, точно, о преимуществах дворянских. Итак, вместо „проекта правам благородных“, лучше поставить здесь „проект преимуществам дворянским“»³.

Предложение написать вместо «благородства» «дворянство» высказал в своем выступлении на заседании Большого собрания депутат от Старицкого дворянства Алексей Нарышкин. К этому мнению присоединилась целая группа депутатов⁴.

Множество замечаний на статьи «Проекта правам благородных» представил депутат от Лифляндского дворянства Эстенского дистрикта барон Гергард Фридрих Левенвольд. Вместе с тем он предложил дополнить данный проект шестью новыми статьями, закрепляющими преимущества дворян, которые не были в нем указаны⁵.

9 сентября было объявлено о начале прений по тексту «Проекта». Они оказались столь же бесплодными, как и предшествовавшее им рассмотрение этого документа. Депутаты высказывали свои мнения, не прибегая к голосованию для определения превалирующей точки зре-

¹ См.: Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. С. 308–315.

² См.: Там же. С. 316–318.

³ В Комиссию о сочинении проекта Нового Уложения на статьи новосочиненного проекта правам благородных примечания // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. С. 332.

⁴ См.: Там же. С. 339, 343–344.

⁵ См.: Там же. С. 359–369.

ния. В результате 6 октября Большое собрание приняло решение отослать «Проект правам благородных» вместе с учиненными на него замечаниями обратно в дирекционную комиссию¹. 9 октября депутаты приступили к чтению проекта о вотчинах и поместьях, а 18 декабря императрица Екатерина II повелела распустить Большое собрание. Работа над законопроектами продолжалась в частных комиссиях, и маршалу было дано правомочие собирать, по согласованию с генерал-прокурором, их членов на совместное заседание², но он ни разу этим правомочием не воспользовался.

* * *

Изданная 21 апреля 1785 года «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» существенно превосходила по своему объему «Проект правам благородных», обсуждавшийся с 10 июля до 6 октября 1768 года на заседаниях Большого собрания Комиссии для составления проекта нового Уложения. Но по идейному содержанию, духу, стилю и терминологии эти два документа были идентичными. Это показывает сравнение основных положений «Грамоты» и «Проекта».

Помимо термина «дворянин» в тексте «Жалованной грамоты дворянству» широко использовался термин «благородный», которым в «Проекте» 1768 года обозначался представитель дворянского сословия. «Благородные не подвержены никакому телесному наказанию», — говорилось в статье 4 главы 2 «Проекта правам благородных». «Телесное наказание да не коснется до благородного», — гласила статья 15 «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства».

---

¹ См.: Сто семьдесят четвертая дневная записка Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. Октября 6 дня 1768 года, понедельник // Сборник Императорского Русского исторического общества. Том 36. С. 49.

² Именной указ Екатерины II о роспуске Большого собрания был зачитан в Комиссии для составления проекта нового Уложения 18 декабря 1768 г. В нем говорилось: «1. Депутатов, кои, за выбором в частные комиссии членов, остались в Большом Собрании, — распустить, до тех пор, доколе от Нас паки созваны будут, то есть до окончания дел, порученных частным комиссиям. 2. Членам частных комиссий остаться здесь и продолжать работу свою во оных по-прежнему... 5. Если когда нужно будет собрать частные комиссии вместе, то маршал сие учинит, согласуясь наперед о том с генералом-прокурором» (Сто девяносто пятая дневная записка Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения. Декабря 18 дня 1768 года, четверг // Там же. С. 146–147).

Оба рассматриваемых документа демонстрировали одинаковый подход к приобретению и утрате дворянского достоинства. В статье 3 главы 1 «Проекта» объявлялось: *«Благородные разумеются все те, кои от предков благородных рождены, или вновь монархами сим нарицанием пожалованы»*. *«Благородные разумеются все те, кои или от предков благородных рождены, или монархами сим достоинством пожалованы»*, — утверждалось в статье 91 «Грамоты». Статья 8 главы 1 «Проекта» провозглашала: *«Лишить благородства никого не можно, кроме того, который сам себя лишил оного своим основанием его достоинства противными поступками»*. *«Да не лишится дворянин или дворянка дворянского достоинства, буде сами себя не лишили оного преступлением, основаниям дворянского достоинства противным»*, — заявлялось в статье 5 «Грамоты». Перечень преступлений, противных дворянскому достоинству, который приводился в обоих документах, был почти одинаков. Согласно «Проекту» 1768 года это: «измена, разбой, воровство всякого рода, нарушение клятвы, лжесвидетельство в важных делах, кое сам делал или других уговаривал делать, составление лживых крепостей и других тому подобных писем». По «Грамоте» 1785 года это: «1. Нарушение клятвы. 2. Измена. 3. Разбой. 4. Воровство всякого рода. 5. Лживые поступки. 6. Преступления, за кои по законам следовать имеет лишение чести и телесное наказание. 7. Буде доказано будет, что других уговаривал или научал подобные преступления учинить».

Содержание статьи 15 «Жалованной грамоты дворянству» составляло следующее правило: *«Да не судится благородный, кроме своими равными»*. Подобное правило было предусмотрено в статье 29 главы 2 первоначального варианта «Проекта правам благородных», измененного, как отмечалось выше, дирекционной комиссией. В ней говорилось, что *«благородные в делах, до чести и жизни их касающихся, судятся равными себе, то есть благородными»*.

Во второй статье второй главы «Проекта» было объявлено, что благородные имеют полную свободу избирать такой род государственной службы, какой сами пожелают, и кроме того могут «из службы по законам увольнение брать или совсем в службу не вступать». Подобный принцип регулирования отношения дворян к службе провозглашался и в «Жалованной грамоте дворянству». Статьей 18 этого документа Екатерина II подтверждала «благородным, находящимся в службе, дозволение службу продолжать и от службы просить увольнения по сделанным на то правилам». Статьей 19 императрица подтверждала благородным дозволение вступать в службы прочих европейских держав, союзных России, и «выезжать в чужие края». Это положение «Гра-

моты» повторяло содержание пятой статьи второй главы «Проекта», в которой говорилось: «Благородным дозволяется выезжать в чужие государства и принимать в оных службу».

Статья 36 «Жалованной грамоты дворянству» устанавливала: «*Благородный самолично изъемлетя от личных податей*». Тем самым почти дословно воспроизводилась статья 9 главы 2 «Проекта правам благородных», гласившая: «*Благородные самолично изъемлются отъ всяких податей*».

Сравнение содержания обоих документов позволяет выявить немало и других случаев сходства их основных положений. «Проект правам благородных», начертанный летом 1768 года в рамках Комиссии для составления проекта нового Уложения, может с полным основанием считаться прообразом «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», изданной императрицей Екатериной II 21 апреля 1785 года. При этом надо признать, что последний документ существенно расширял круг привилегий дворянства. Он появился спустя десять лет после издания «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи»¹, юридически оформившего господство дворян в местном управлении². Этот законодательный акт не предусматривал образования губернских дворянских обществ во главе с губернским предводителем дворянства, но в процессе введения его в действие на практике эти общества появились — во всяком случае, в отдельных губерниях. На это указывает текст докладных пунктов генерал-губернаторов и высочайших резолюций на них, датированных 25 ноября 1778 года. Во многих из них упоминалась должность губернского предводителя дворянства.

Так, генерал-губернаторы спрашивали у Екатерины II: «По собрании дворянства для получения надлежащих повелений от государева наместника предстанут пред ним один ли только губернский и уездные

---

¹ Полный текст «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи» опубликован в издании: Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы / Составитель и автор вступительных статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2011. С. 165–271.

² «Дворянин господствовал в местном управлении как выборный представитель своего сословия; он господствовал в нем и как назначенный верховной властью коронный чиновник — так оценивал роль дворянства в системе местного управления после губернской реформы 1775 г. историк В. О. Ключевский (*Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Том 5. Курс русской истории. Часть V. М., 1989. С. 110*).

предводители с несколько почетнейшими членами сего общества, или же и все оное?» Государыня отвечала: «Предводители с депутатами»¹.

Следующий вопрос к ее величеству: «Сам ли генерал-губернатор поведет дворянство к присяге, или же можно сие предоставить губернскому предводителю?» Ответ императрицы: «Губернскому предводителю»².

Еще один вопрос: «При новом избрании губернского предводителя обязан ли сам генерал-губернатор председатель или же оставить то прежнему предводителю?» Ответ: «Оставить то прежнему предводителю»³.

Вопрос: «По совершении присяги во-первых ли избирать губернского предводителя и потом приступать к избранию уездных предводителей...?» Ответ: «Поступать как при первом выборе происходило»⁴.

Вопрос: «Новоизбранных судей к присяге поведет сам ли государев наместник, или же губернатор будет только присутствовать в церкви для важности обряда?» Ответ императрицы: «Губернский предводитель в присутствии генерал-губернатора или правящего должность»⁵.

О том, что должность губернского предводителя существовала в 1781 году в Тверском наместничестве, свидетельствуют вопросные пункты генерал-поручика Потемкина и ответ на них Екатерины II. «В течение последнего трехлетия, — вопрошал Потемкин, — губернский предводитель Тверского наместничества убыл, в Высочайшем и благополучном учреждении в 76 статье о таковом случае не упомянуто⁶. Изустное изволение Вашего Императорского Величества о избрании нового губернского предводителя из числа уездных я имел счастье принять. Ныне дерзаю всеподданнейше доложить, особенно ли должен быть оный учинен или оным начать торжественное собрание трехлетнего выбора судей?» Императрица поставила на этот вопрос следу-

---

¹ Высочайшие резолюции на докладные пункты генерал-губернаторов. 25 ноября 1778 г. «О порядке выборов в губерниях должностных людей из дворян и купечества» // 1-ПСЗРИ. Том 20. № 14816. С. 760.

² Там же.

³ Там же. С. 760–761.

⁴ Там же. С. 761.

⁵ Там же.

⁶ Статья 76 «Учреждения для управления губерний» гласила: «Буде во время трех лет из выбранных кто смертью, или иным случаем убудет: то поручается до трехлетнего срока Дворянские места Верхнему Земскому Суду, мещанские места Губернскому Магистрату, поселенские места Верхней Расправе наполнять людьми достойными с утверждением от *Наместнического* (Губернского) *Правления*».

ющую резолюцию: «Выборы начать избранием нового губернского предводителя»¹.

Из текста приведенных документов, опубликованных в «Полном собрании законов Российской империи», видно, что к ноябрю 1778 года губернский предводитель играл довольно важную роль в губернском управлении². Причем выборы на эту должность происходили уже не в первый раз. И выбирали губернского дворянского предводителя из числа предводителей уездных. Между тем «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» не предусматривали наличия губернского предводителя дворянства. В них шла речь только об «уездном дворянском предводителе»³.

«Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», в полной мере узаконила такую форму объединения дворянства, как губернское дворянское общество с губернским предводителем во главе. В статье 37 данной «Грамоты» Екатерина II объявляла: «Нашим верноподданным дворянам жалуюм дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве и пользоваться нижеписанными правами, выгодами, отличиями и преимуществами». Статья 38 устанавливала, что «Дворянство собирается в губернии по позыву и дозволению генерала-губернатора или губернатора как для вверенных дворянству выборов, так и для выслушивания предложений генерала-губернатора или губернатора, всякие три года в зимнее время». Согласно же ста-

¹ Высочайшие резолюции на пункты, поданные от генерал-поручика Потемкина. 18 ноября 1781 г. // 1-ПСЗРИ. Том 21. № 15280. С. 308.

² Историк М. Т. Яблочков, опираясь на этот законодательный акт, сделал следующий вывод: «Итак, уездные предводители дворянства существуют в России с 1777 года 14 дек[абря], а губернские предводители дворянства — с издания Жалованной грамоты дворянству, т. е. с 1785 г. 21 апреля» (Яблочков М. Т. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 540). В действительности губернские предводители, как показывают вышеприведенные докладные пункты генерал-губернаторов и резолюции на них Екатерины II, существовали по меньшей мере за семь лет до издания «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Что же касается уездных предводителей, то их избрание дворянами уездов было предусмотрено в статьях 11 и 12 Именного указа, данного Сенату, от 14 декабря 1766 г. «Об учреждении в Москве Комиссии для сочинения проекта нового Уложения и о выборе в оную депутатов» (Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. С. 73).

³ «В Дворянской Опекѣ председаѣт Уездный Дворянский Предводитель», — говорилось в статье 21 главы 1 «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи».

тье 39 собранию дворянства в наместничестве дозволялось «избрать губернского предводителя дворянства той губернии; и для того собранию дворянства всякие три года представить из уездных дворянских предводителей двух государеву наместнику или правителю, и, которого из сих генерал-губернатор или губернатор назначит, тому и быть губернским предводителем дворянства той губернии»¹.

Эти установления «Жалованной грамоты дворянству» 1785 года развивали норму, выраженную в статье 38 главы 2 «Проекта правам благородных» 1768 года. В последнем говорилось лишь о том, что «благородные для собственных и назначенных законами им дел могут в своих провинциях съезжаться в назначенное время и в определенное для того съезда место».

* * *

На практике дворянские привилегии оказывались намного шире тех, которые были установлены «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Так, Екатерина II нередко освобождала помещиков, осужденных за убийство крепостных людей к лишению свободы или даже к смертной казни, от этих реально строгих наказаний, заменяя их наказаниями чисто символическими — церковным покаянием или ссылкой². Правда, по меньшей мере, в одном случае все было по-другому. Помещица Дарья Николаева, убившая «бесчеловечно мучительски» «немалое число людей своих мужеского и женского пола», была освобождена от смертной казни, но взамен ей было назначено, пожалуй, даже более жестокое наказание. Принятым 10 декабря 1768 года Сенатским указом, вследствие Именного, последовавшего на доклад Сената, было объявлено, что Екатерина II, «взирая с крайним прискорбием на учиненные ею бесчеловечные смертные убийства», повелела вместо назначенной Юстиц-коллегией помещице-убийце смертной казни лишить ее дворянского звания, вывести ее на площадь в Москве и, поставя на эшафот, прочесть сентенцию Юстиц-коллегии с добавлением Именного императорского указа, а потом приковать ее к столбу и «прицепить на шею лист с надписью большими словами: *мучительница и душегубица*». В таком положении Дарья Николаева должна была выстоять

¹ См. стр. 39 настоящего издания.

² См. о подобных случаях в книге: *Новицкая Т. Е.* Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М.: Зерцало-М, 2005. С. 135–136.

целый час. По решению императрицы, преступницу надлежало после этого отвести в один из женских монастырей и там возле какой-нибудь церкви «посадить в нарочно сделанную подземельную тюрьму», в которой содержать по смерть ее в полной темноте и одиночестве, «чтобы лишить злую ее душу в сей жизни всякого человеческого сообщества, а от крови человеческой смердящее ее тело предать собственному промыслу Творца всех тварей»¹.

* * *

Первые же попытки применить изданную 21 апреля 1785 года «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» на практике обнаружили, что многие ее нормы требуют разъяснений и толкований. С этой целью был издан целый ряд узаконений, как то:

1. Сенатский указ от 1 мая 1785 года «О том, дабы в указах, даваемых при отставке от воинской службы разным чином, изъяснять точно, каким кто чином до отставки действительно служил»².

2. Именной указ от 18 декабря 1785 года «О позволении дворянам, кои прежде издания жалованной Грамоты выбраны были в должности, пользоваться и впредь таковым преимуществом, хотя бы и не имели они чинов, дающих на сие право»³.

3. Именной указ от 16 февраля 1786 года, данный генерал-прокурору, «О дозволении дворянам вступать в подряды и откупы в тех губерниях, где они по службе состоят». Императрица напоминала этим узаконением содержание статьи 27 «Жалованной грамоты», в которой говорилось о том, что «благородным подтверждается право оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится» и статьи 28, постановившей, что «благородным дозволяется иметь фабрики и заводы по деревням». И вместе с тем поясняла, что «вследствие таковых узаконений всякий дворянин, в каком бы он месте, должности и чине ни был, имеет неотъемлемое право пользоваться всеми выгодами

¹ Сенатский, вследствие Именного, последовавшего на доклад Сената 10 декабря 1768 года «О наказании вдовы Дарьи Николаевой за мучительство крепостных людей и за учиненные ею многие убийства» // Законодательство императора Петра III: 1761–1762 годы. Законодательство императрицы Екатерины II: 1762–1782 годы. С. 128–129.

² Жалованная грамота благородному российскому дворянству с принадлежащими к оной узаконениями с 1785 по апрель месяц 1817 года. СПб., 1817. С. 28.

³ Там же.

и преимуществами, ему дозволенными; а потому и никакое запрещение вступать в подряды и откупы, дворянам свойственные, находящимся из них у дел по губерниям, места иметь не может»¹.

4. Сенатский указ от 18 мая 1778 года «О непричислении к потомственному дворянству отставленных из воинской службы с чином обер-офицера, но в оном не служивших»².

5. Высочайший Манифест от 21 апреля 1787 года «О поединках»³. Данный законодательный акт правильнее было бы назвать «Манифестом о запрете поединков». В нем подтверждалось «запрещение всем подданным и в России живущим, наипаче же благородному дворянству и военнослужащим или служившим, самовластно дракой брать или требовать удовлетворения будто за обиду или оскорбление». Вместе с тем подтверждалось «запрещение всем подданным и в России живущим, наипаче же благородному Дворянству и военным людям действительно служащим и служившим, находиться при драке или поединке или способствовать к оному». Лицам, нарушившим этот запрет, Манифест назначал суровые наказания, вплоть до лишения дворянского звания и ссылки в Сибирь на вечное житье.

В преамбуле к основному тексту данного Манифеста Екатерина II напоминала об изданной 21 апреля 1785 года, в двадцать третий год ее правления, «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», которая в статье 6-й обозначила преступления, разрушающие дворянское достоинство и ему противные, в статье 12-й даровала дворянству «право быть судимым не иначе, как своими равными», вследствие чего в статье 25-й определила «места судебные для разбирания дел благородных», в статье 58-й назначила дела, до таковых мест принадлежащие, именовав между другими *тяжкие, до бесчестия касающиеся*. Издание Манифеста о поединках императрица объясняла необходимостью дать надлежащее толкование понятиям оскорбления и обиды. «Но понеже, — заявляла она, — оскорбление или обида, или дело о чести и бесчестии донныне подлежало многому различному понятию, толку и недоразумению, то за благо рассудили Мы всенародно объявить в последующих статьях законное толкование об оскорблении или обиде или деле, о чести и бесчестии, по которому поступать имеют места и люди, кому по законам вверены

¹ 1-ПСЗРИ. Том 22. № 16328. С. 534

² См.: 1-ПСЗРИ. Том 22. № 16667. С. 1077–1078.

³ См. стр. 136–144 настоящего издания.

суд и власть в деле личного оскорбления или обиды касательно чести и бесчестия»¹.

Содержание Манифеста о поединках было проникнуто заботой императрицы о поддержании законности и мира не только в среде дворянства, но и во всем русском обществе. В предпоследней его статье Екатерина II заявляла: «Увещеваем и повелеваем подданным Нашим и всем в Российской Империи находящимся и живущим людям всякого чина и состояния: 1. Жить мирно. 2. Почтение отдавать каждому принадлежащее, и повиноваться начальству и власти над ним поставленной. 3. Каждому стараться предупредить недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения. 4. Буде кто кому окажет неудовольствие, или принесет жалобу за его слова или поступки, то сие чинить без вспылчивости и огорчения при посредниках; ответчик же жалобщику имеет дать при тех же посредниках все нужные объяснения без вспылчивости и огорчения, чтобы с обеих сторон оказано было законное послушание и почтение к власти законодательной»².

6. Сенатский указ от ноября 1788 года «О запрещении правителям губерний входить в дворянские собрания»³. Данный указ был реакцией на случай, произошедший в одном из наместничеств, когда его глава, придя в губернское дворянское собрание, выслал из него дворянина, сделал выговор губернскому предводителю за принятое дворянским собранием решение обратиться к государыне с жалобой на наместническое правление и настоял на выборе в предводители дворянства дворянина, судом опороченного, отвергнув при этом человека, избранного дворянством в губернские предводители. Такое поведение главы наместничества нарушало статью 39 «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства», которая именно собрание дворянства в наместничестве наделяла правомочием «избрать губернского предводителя дворянства той губернии». Согласно норме, закрепленной этой статьей, дворянское собрание каждые три года избирало двух кандидатов на пост губернского предводителя из уездных предводителей и представляло их государеву наместнику. Последний должен был назначить губернским предводителем дворянства одного из этих людей и никого более. Упомянутый Сенатский указ определил, что «не только правитель губернии не имел власти высылать из собрания дворянина, поелику Ее Императорское Величество

¹ См. стр. 138–139 настоящего издания.

² Там же. С. 144.

³ Там же. 145–146.

оставила дворянству в выборах совершенную волю, выговаривать губернскому предводителю за определение, собранием дворянским учиненное и подтвержденное, настоять о выборе в предводители дворянина, судом опороченного, и отвергать выбор в губернские предводители, но и в собрание дворянское входить ему запрещается»¹. В обоснование такого постановления Сенатский указ ссылался на вынесенную Екатериной II 25 ноября 1778 года резолюцию на седьмой докладной пункт генерал-губернаторов. В нем задавался следующий вопрос императрице относительно порядка выборов губернского предводителя: «По предложении речью и выслушании ответа губернского предводителя долженствует ли государев наместник выйти из собрания?» Ее величество ответила на этот вопрос резолюцией: «Не быть при собрании и выборе, но оставить им в выборах полную волю»².

7. Сенатский указ от 19 июня 1791 года «О внесении в родословные дворянские книги дворян, имеющих в городах дома, иностранных дворян, присягнувших на верность подданства и разночинцев, дослужившихся по службе военной до обер-офицерского чина и по гражданской до 8 класса, хотя бы они недвижимого имущества не имели»³.

* * *

Мотивы издания «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» Екатерина II назвала сама в преамбуле к основному тексту этого документа. «С новыми выгодами и приращением Нашей империи, когда пользуемся всякою внутреннею и внешнею повсюду тишиною, — заявляла в нем императрица, — Мы подвиг свой вящше и вящше устремляем к непрерывному упражнению доставить Нашим верноподданым во всех нужных частях внутренне-го государственного управления твердые и прочные постановления ко умножению благополучия и порядка на будущие времена и для того, во-первых, достойно находим простерти Наше попечение к Нашему вернолюбезному подданному российскому дворянству, имея в памяти вышесказанные его заслуги, ревность, усердие и непоколебимую верность Самодержцам Всероссийским, Нам самим и престолу Нашему оказанные в наисмутнейшие времена, как в войне, так и посреди мира.

¹ См. стр. 146 настоящего издания.

² Высочайшие резолюции на докладные пункты генерал-губернаторов. 25 ноября 1778 г. «О порядке выборов в губерниях должностных людей из дворян и купечества» // 1-ПСЗРИ. Том 20. № 14816. С. 760.

³ См.: 1-ПСЗРИ. Том 23. № 16968. С. 239–241.

А подражая примерам правосудия, милосердия и милости в Бозе почивающих, Российский Престол украсивших и прославивших предков наших и движимы будучи собственной Нашею матернею любовью и отличною признательностию к российскому дворянству, по благорассуждению и изволению Нашему Императорскому повелеваем, объявляем, постановляем и утверждаем в память родов для пользы российского дворянства службы Нашей и Империи следующие статьи на вечные времена и непоколебимо».

Приведенные слова Екатерины II позволяют сделать вывод о том, что, издавая «Грамоту», она руководствовалась, *во-первых*, стремлением утвердить внутреннее государственное управление, кадровую основу которого составляло дворянство, на фундаменте закона, а *во-вторых*, желанием отблагодарить российское дворянство за поддержку российского императорского престола «в наисмутнейшие времена, как в войне, так и посреди мира».

«Грамота» юридически оформила, а следовательно, упрочила привилегированный статус дворянского сословия в России. Помимо подтверждения своих прав и вольностей, дворянство получило в результате издания этого документа дополнительные возможности для отстаивания своих сословных интересов. «Грамота» давала юридическую основу организации и деятельности губернских дворянских собраний, которые могли обращаться с представлениями о нуждах дворянства и с жалобами в Сенат и к самому государю.

С этой точки зрения, изданная Екатериной II в 1785 году «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» отразила состояние расцвета дворянского сословия в России. Оно окончательно сформировалось в качестве самостоятельной и ведущей силы в русском обществе.

Однако более внимательный взгляд на содержание этого документа позволяет увидеть в нем и другую сторону. Среди подтвержденных им дворянских привилегий было освобождение от налогов в различных их формах. Статья 35 «Грамоты» объявляла, что «помещичий дом имеет быть свободен от постоя». Статья 36 устанавливала правило, по которому дворянин изымался от личных податей. Такая привилегия была вполне разумной и логичной в те времена, когда на дворянстве лежала тяжесть государственной службы, обязанность служить в армии и защищать свое отечество от врагов. Но после того как государственная служба перестала считаться для дворян обязанностью, после предоставления им полной вольности и свободы, подтвержденной статьями 17, 18 и 19 «Жалованной грамоты дворянству», освобождение всех представителей дворянского сословия от личных податей в поль-

зу государства лишилось разумного основания. В новых условиях это освобождение превращало дворянство в паразитирующее сословие.

Статья 27 «Грамоты» подтверждала право дворян «оптом продавать, что у них в деревнях родится или рукоделием производится». Статья 28 позволяла дворянам «иметь фабрики и заводы по деревням». Статьей 31-й дворянину было разрешено, если он пожелает, «пользоваться городовым правом». Между тем статья 2 «Грамоты» провозглашала: «Не токмо Империи и Престолу полезно, но и справедливо есть, чтоб благородного дворянства почтительное состояние сохранялось и утверждалось непоколебимо и ненарушимо». Но как могли сохранить почтение к себе в обществе дворяне, занявшиеся торговлей? Ведь на протяжении веков дворянство было в России сословием служилым, сословием военным, главным предназначением которого было защищать свое отечество. Именно это высокое предназначение дворян возвышало их в общественном сознании.

Таким образом, «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» отразила переломный момент в истории данного сословия: она ознаменовала собой не только небывалое возвышение дворянства в России, но и начало его упадка, вылившегося в конце концов в катастрофу всего русского общества.

В. А. Томсинов,

*заведующий кафедрой истории государства и права
юридического факультета*

*Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова,*

доктор юридических наук, профессор